

В марте 1941-го Семёну исполнилось восемнадцать, и вскоре его призвали в армию. Не успел привыкнуть к армейской жизни, как началась война. Первый бой. Атака. Крики “Ура!” Багровая вспышка. Ослепляющий взрыв. Оглушительная тишина.

...Семён открыл глаза. Он лежал на изрытой взрывами земле, над ним стояли немцы, один пинал его носком сапога. Так Семён оказался в плену. Его вместе с другими военнопленными долго везли на поезде, часто били, изредка кормили. Привезли в концлагерь. Некоторые стали роптать: “Пахнет выпекаемым хлебом, а нам не дают!” Но это шёл запах из труб крематория.

В лагере Семён подружился с парнем из-под Полтавы — Остапом. Сам Семён был голубоглазый, белобрысый, невысокий, но кряжистый, а Остап — широкоплеч, даже могуч, сверкал карими глазами, чуб его чёрным крылом взлетал надо лбом. Они так вместе и держались в лагере.

Однажды среди военнопленных прошёл слух: немцы пообещали “Украинцы — до дому!” Но для освобождения надо было сдать что-то вроде экзамена по украинскому языку.

— Давай, я тебе навчу украинскому, — предложил Семёну Остап.

— Дык, куда мене, — махнул рукой Семён. — Я же русский. Сам знаешь, из Архангельской области.

— Ничего, осилим як-нибудь, — заверил, пытаясь приободрить товарища, Остап.

И начали они учиться, используя любую возможность — во время работы, когда передавали друг другу огромные камни; идя в барак; хлебная муку на обед; война — війна, хлеб — хліб, мужчина — чоловік. Семён проявил способности к языкам и быстро выучил много украинских слов. Даже то украинское слово, по произношению которого якобы можно сразу узнать чистокровного украинца, — “паляница” — произносил почти без акцента.

Наступил день проверки знаний украинского языка. Первым из барака пошёл Остап. Вернувшись, сказал по-украински:

— От гади, про Полтавщину питали, казали, що відпустять до дому, і щоб я їх дома зустрічав. От паразіти!!!

Вторым пошёл Семён.

Переводчик кричал:

— Переводи: женщина!

Семён быстро ответил:

— Жінка.

— Ребёнок?

— Дитина.

— Жизнь.

— Життя.

— Життя! А хочешь жить?! Да?! — И толстый немец вдруг со всего размаха ударил Семёна кулаком в лицо.

“Вот сволочь!” — промелькнуло в голове. Хотелось развернуться и дать сдачи. Но это был бы конец, а жить хотелось — всего-то восемнадцать лет и прожил.

— Родина, — гнусаво проговорил немец.

— Батьківщина, — не задумываясь, сказал Семён, вытирая рукавом кровь, бежавшую из носа по подбородку.

Рыжий повертел в руке карандаш и что-то сказал переводчику.

— Карандаш, — прищурившись, произнёс переводчик. Семён молчал — он не учил это слово...

Семёна долго били, потом, потерявшего сознание, оттащили в барак. Когда он пришёл в себя, увидел склонившегося над ним Остапа.

— Що не відповів, браток? — спросил тот.

— Как по-украински “карандаш”? — разбитым в кровь ртом спросил Семён.

— О, чёрт! — выругался Остап. — Олівець!..

А из лагеря никого из узников непустили...

После войны Семён знал украинский язык не хуже настоящего украинца. А уже после войны на родине, в архангельской деревне, земляки ещё долго удивлялись, слыша от Семёна незнакомые слова, в том числе и “олівець” — так он до конца жизни называл карандаш.